

• СЕРДЦЕ ДРАКОНА •

Посвящается сихану¹ Полу
и всем ученикам школы додзэ².

Сочинение этого романа совпало с подготовкой к получению моего первого черного пояса, что я считаю одним из крупнейших достижений в своей жизни. Занятия карате оказались на редкость просветляющим и восхитительным испытанием, и я навсегда сохраню чувство признательности своим друзьям-каратистам за поддержку, мудрость и высоту духа.

Осу³, сихан; осу, сэмпей⁴; осу,
дорогие мои друзья,
все это написано для вас, парни.

¹ Мастер боевых искусств; титул обычно присваивается обладателям пятого дана. *Здесь и далее прим. переводчика.*

² «Место, где ищут путь» — в японском буддизме и синтоизме место для медитации и иных духовных практик; в современном словоупотреблении — школа боевых искусств.

³ Существует множество толкований значения этого слова и его происхождения. Это слово произносят во время обмена приветствиями между старшими и младшими при входе в додзэ, перед выполнением ката и после получения указаний от своего учителя.

⁴ «Стоящий впереди».

Дождь лил не переставая почти час.

Ожидая, когда он кончится, Йосио Накадаи сидел в природном укрытии в позе сэйдза — на коленях, скрестив ступни под ягодицами. Он никуда не спешил. Это укрытие было сделано для путников, чтобы дать им возможность переждать непогоду. Монотонный шум дождя, барабнящего по крыше, позволял сосредоточиться на медитации.

Да только вот сосредоточиться в последнее время было трудно. Даже сейчас ему никак не удавалось избавиться от посторонних мыслей.

Некогда самурай, если бы земли его господина были захвачены, а титул отобран, совершил бы сеппуку — ритуальное самоубийство. Но те времена прошли. Сейчас уже никто не помнил законов чести, а бусидо из кодекса самурая, свода правил поведения воина, каким он некогда был, превратился в сказки, которые рассказывают детям на ночь.

А Накадаи стал обыкновенным ронином¹, блуждающим по городам и весям в надежде заработать своим искусством на кусок хлеба. На протяжении года, прошедшего с тех пор, как его господин утратил покровительство Эдо², Накадаи охранял людей и караваны, послужил следовате-

¹ Деклассированный самурай феодального периода японской истории, потерявший покровительство своего сюзерена либо не сумевший уберечь его от гибели.

² Старое название Токио.

лем, судьей, улаживающим споры между торговцами, строителем и даже наставником, обучающим искусству самозащиты сына одного богача.

Его репутация неплохо работала на него, особенно в небольших городках близ Эдо. В отличие от многих других ронинов, Накадаи всегда поступал честно.

Иначе он и не умел. К тому же, если он выполнит свою работу как следует, повысятся шансы получить новое предложение.

Тем не менее, хоть зарабатывал Накадаи достаточно, радоваться жизни у него не получалось. Соверши он, как того требовала традиция, сеппуку, возможно, душа его и обрела бы мир. Но умереть из верности бесчестному человеку...

Накадаи не испытывал особой любви к сегунату¹, да и господин его, трус и мошенник, вполне заслужил наказание. Позором покрыл себя господин, а не он, Накадаи. Ради таких, как он, умирать нет никакого резона. Тем не менее закон чести требовал именно этого. Накадаи принес клятву верности, и тот факт, что его господин этой верности не заслуживал, клятвы не отменял.

Это противоречие мучило его. Сознание оставалась несвободным.

Вдруг сквозь шум дождя послышались чьи-то быстрые, чавкающие по грязи шаги.

Накадаи открыл глаз и попытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь стену дождя. Он увидел невысокого мужчину, бегущего к укрытию. Остановившись на пороге, пришелец попытался вытереть мокрое лицо и стряхнуть с одежды капли дождя, но, убедившись в том, что это бесполезно, рассмеялся и заговорил:

— Приветствую вас! Надеюсь, вы не будете против, если я разделю с вами кров?

¹ Система военно-феодалного управления в средневековой Японии.

— Разумеется, нет, — спокойно откликнулся Накадаи и снова закрыл глаза, в надежде, что незнакомец поймет его желание остаться наедине с самим собой.

Увы, надеждам его сбыться было не суждено.

— По правде говоря, я рассчитывал, что дождь к этому времени кончится, — продолжал незнакомец, выглядывая из-под навеса. — Чо, говорил я себе, тебе еще час ходу до города, успеешь, прежде чем дождь разойдется вовсю. И на тебе — настоящий ливень! — Повернувшись к собеседнику, Чо внимательно посмотрел на него. — Слушайте, а ведь ваше лицо мне знакомо!

Накадаи вздохнул и открыл глаза. С этим Чо никакой медитации точно не получится. Правда, не то чтобы она удавалась ему в его отсутствие...

Поднявшись на ноги, он принялся расхаживать взад и вперед, чтобы размять ноги. Помещение было маленьким, так что ему все время приходилось обходить прищельца.

— Вы тоже в город? — поинтересовался тот, следя за Накадаи взглядом. — Полагаю, вы ронин, не так ли? — Он покачал головой. — Впрочем, что тут гадать, ведь при вас прекрасная катана¹, и вы готовы буквально испепелить меня взглядом. Но одежда ваша, уж извините, знавала лучшие времена. Вы рассчитываете найти в городе работу?

— Да.

Накадаи продолжал свое кружение, избегая встречаться взглядом с незнакомцем и время от времени поглядывая на небо в надежде уловить хоть намек на то, что дождь скоро кончится. Вопреки его горячему желанию незнакомец не умолкал.

— Нет, где же я вас все-таки видел? Я, понимаете, посылным служу, много где бывать приходится. Хотелось бы стать самураем или пусть даже ронином, но посмотрели бы вы на меня с мечом в руках! А Впрочем, лучше не надо, потому что владею я оружием ну очень плохо. Хотя шрам у меня имеется.

¹ Японская сабля с длинным клинком. В современном японском слово «катана» также обозначает любой меч.

В конце концов Накадаи остановился и посмотрел на Чо. Впечатление, надо признать, оказалось не из приятных. У посыльного были мускулистые ноги, что было естественно при его роде занятий, а также невероятно густые брови, гнилые зубы, дряблые руки. Одежда его обвисла на плечах, прилипла к телу. Ну, это, положим, можно было объяснить дождем, но все остальное...

По левой его руке от локтя до запястья, действительно, тянулся шрам — старый и почти прямой. Скорее всего, получен случайно — может, незнакомец споткнулся с мечом в руке.

— Такие дела, — продолжал тот. — Но двигался я всегда проворно и начал бегать. Вскоре меня стали нанимать посыльным. Работа нравится — ездешь по разным местам, встречаешься с разными людьми. Знаете, я просто уверен, что где-то видел вас, — вновь принялся незнакомец за свое.

Накадаи отвернулся.

— Вспомнил! — воскликнул Чо, выбросив руку в сторону Накадаи. — Вы — Драгон Кокоро, верно?

Накадаи поморщился.

— Меня зовут Йосио Накадаи. — Прозвище ему никогда не нравилось. Самурай в одиночку уничтожил семерых бандитов, напавших на караван его господина, направлявшегося в Эдо, где ему предстояла встреча с сегуном. Бандиты оружием не владели и к тому же были пьяны, так что с ними справилась бы даже дрессированная обезьяна, но для его господина количество было важнее качества, и он принялся прославлять Накадаи как героя, одолевшего целую толпу. Когда они добрались до Эдо, он объявил, что в груди у Накадаи бьется сердце дракона. С тех пор прозвище Драгон Кокоро к нему и прилипло.

Чо покачал головой, усмехнулся и отвесил глубокий поклон.

— Для меня большая честь познакомиться с вами.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Накадаи. Ну что ж, честь так честь. Он снова выглянул наружу и увидел, что дождь льет уже не так сильно, а на горизонте появи-

лась голубая полоска неба. — Дождь скоро кончится, — заметил он.

— Вот и отлично, — откликнулся Чо и тут же помрачнел. — А может, и нет. Видите ли, хотя, как правило, я горжусь тем, что я посыльный, сегодня я вроде как горевестник.

— Печально, — промолвил Накадаи, но расспрашивать не стал. Чужие дела его не интересовали.

— Очень печально! Я только что от местного даймё¹, с новостью, которая сильно разочарует тех, кто меня послал. Видите ли, — продолжал Чо, явно не считаясь с убежденностью Накадаи в необходимости уважать неприкосновенность частной жизни, — речь идет о двух девушках, чье будущее остается весьма туманным.

Накадаи повернулся к посыльному.

— Как это понимать?

— Некто Кимото обещал своего сына в мужья сразу двум женщинам. Отцы обеих дали приданое. Но еще до того как обман открылся, Кимото заболел и умер.

— Почему в таком случае сыну просто не расплатиться с отцом одной из них? — спросил Накадаи. — Или с обоими и взять в жены кого-нибудь еще.

— К несчастью, Кимото затеял эту двойную игру, чтобы вернуть карточный долг, — возразил Чо. — Деньги давно уплыли, и бедный молодой человек остался должен сразу двум женщинам.

— Да, проблема, — согласился Накадаи, покачав головой. — А вас, насколько я понимаю, послали к даймё, чтобы он ее решил.

— Точно, — вздохнул Чо. — Вот только даймё отказался быть судьей в этом споре. Сказал, что не его это дело — улаживать отношения картежников.

Накадаи потер подбородок. Дождь перестал барабанить по крыше, и через минуту-другую прояснится достаточно для того, чтобы каждый из них продолжил свой путь.

¹ Феодалная знать в Японии, в чьих руках до переворота 1868 года была сосредоточена вся полнота государственной власти.

— А знаете, — помолчав немного, заговорил Накадаи, — мне случалось выступать судьёй как раз в таких спорах, то есть в делах, слишком романтических или слишком мелких, чтобы вмешивался даймё. Так что, возможно, я мог бы оказать вам полезен.

Чо просиял.

— Вполне, вполне возможно! — согласился он. — Хотя оба отца рассчитывали, что именно даймё решит все их проблемы.

Накадаи не сдержал легкой улыбки.

— Ну, по моему опыту, даймё очень редко занимаются проблемами, которые не касаются их лично.

— Совершенно с вами согласен! — Чо расхохотался, выпрямился и посмотрел прямо в лицо бывшему самураю. — Для нас будет большой честью, если Сердце Дракона согласится выступить посредником в этом деле.

Накадаи снова поморщился.

— Ну, стало быть, мы договорились? — спросил он. А потом повернулся и быстро зашагал по дороге

— Договорились! — живо откликнулся Чо и бросился догонять ронина, а нагнав, пошел впереди.

В тот момент, когда посыльный обходил его, Накадаи показалось, что выражение лица у его нового партнера какое-то странное. Может, то была игра света, но глаза у него почернели, как уголь.

Впрочем, Накадаи тут же забыл об этом мимолетном впечатлении.

Уладить спор оказалось трудной задачей.

Обе женщины утверждали, что были обещаны в жены сыну Кимоты — юному шалопаю по имени Широ.

Начал Накадаи с разговора с одной из несостоявшихся невест — Кейко.

— Этот даймё — жалкий червь! — воскликнула она. — Да как он смеет относиться к моему будущему так, словно это какая-то мелочь! Что это за даймё такой, если он оставляет людей один на один с бедой! Да его повесить следует, вот что я вам скажу! Или хотя бы уволить. Чем он лучше

Кимоты, если так обращается с людьми?! Вы — самурай и должны что-то сделать!

Накадаи терпеливо слушал ее визг, становившийся все пронзительнее. Затем поблагодарил Кейко и отправился поговорить с другой женщиной — Акеми.

К сожалению, единственное, на что она оказалась способна, это слезы. Накадаи пытался задавать вопросы — в разговоре с Кейко в этом не было нужды, та говорила одна, — но Акеми в ответ только всхлипывала.

Потом Накадаи поговорил с отцами. Его заранее предупредили, что между ними какие-то нелады, но общая беда явно сплотила их.

— Кимото уговорил меня, — начал отец Кейко, — повременить с объявлением о помолвке до Дня урожая.

— Меня он попросил о том же, — подхватил отец Акеми. — А год, понимаете ли, выдался неурожайный.

— Кимото объяснил свою просьбу тем, что новость о предстоящей свадьбе порадует людей и хоть как-то смягчит горечь от неурожая, — сказал отец Кейко.

Накадаи кивнул. Теперь все ясно. А то он удивлялся, как это Кимоте удалось сохранить в тайне двойную помолвку в таком городке, как этот, где все знают всё обо всех, да еще и в мельчайших подробностях.

Последним собеседником Накадаи был Широ.

— Просто не знаю, что делать, — простонал молодой человек. Он сидел с опущенной головой, не поднимая глаз на Накадаи. — Конечно, обе они — достойные женщины, и я был бы счастлив с любой из них. Честно говоря, я даже мечтать не смел о женитьбе на таких красавицах, как Кейко и Акеми. Но отец мне и слова не сказал. О помолвке я впервые услышал от отцов Кейко и Акеми, уже после похорон.

Обычно, выступая в роли судьи, Накадаи рано или поздно обнаруживал какой-нибудь важный факт, остававшийся до того неизвестным, — он-то и указывал путь к верному решению. Но тут во всем, что он услышал, не было ничего нового по сравнению с тем, что рассказал ему Чо: